

ПОНЯТИЕ РАСЫ И КРИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

К.Д. Баныгин

Аннотация. Понятия расы и расизма широко обсуждаются в современных постколониальных исследованиях и в культурной антропологии. Однако интеллектуальный контекст их функционирования редко привлекает внимание исследователей. В статье предпринимается попытка обозначить трансформацию значения понятия «расы» в 1950–2000-е гг. в контексте отказа от марксистской концепции классовой борьбы и победы политик идентичности, предполагающих неизбежность культурных различий. Как показывают исследования Д. Блока, С.М. Гильем, Г. Эриксона и ряда других сторонников критического дискурсивного анализа, неолиберализм меняет контекст восприятия понятий «раса» и «класс» в 2000-е гг., способствует их неотрелексированной интернализации через стандартизацию клише «своего» и «чужого». Если в 1950–60-е гг. эти понятия во многом отсылали к проблематике социальной несправедливости и критике капитализма эпохи модерна, то дискурс идентичности выносит такие коннотации за скобки, подменяет их иллюзией культурного многообразия и обещаниями инклюзивности.

Ключевые слова: класс, постколониальные исследования, иммигранты, расизм, социальное неравенство, политика идентичности.

Для цитирования: Баныгин К.Д. Понятие расы и критические исследования дискурса в современной западной историографии // Преподаватель XXI век. 2025. № 1. Часть 2. С. 303–309. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-1-303-309

303

THE CONCEPT OF RACE AND CRITICAL DISCOURSE STUDIES IN CONTEMPORARY WESTERN HISTORIOGRAPHY

K.D. Banygin

Abstract. The concepts of race and racism are widely discussed in contemporary postcolonial studies and cultural anthropology. However, the intellectual context of their functioning rarely attracts the attention of researchers. The article attempts to outline the transformation of the meaning of the concept of race in the 1950–2000s in the context of the rejection of the Marxist concept of class struggle and the victory of identity

© Баныгин К.Д., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

politics, which assume the inevitability of cultural differences. As studies by D. Block, S.M. Guillem, G. Erikson and a number of other supporters of critical discourse analysis show, neoliberalism changes the context of perception of the concepts of race and class in the 2000s, contributing to their unreflected internalization through the standardization of the clichés of “our” and “heir”. In the 1950–60s these concepts largely referred to the problems of social injustice and the critique of capitalism in the modern era, the discourse of identity puts such connotations out of the equation, replacing them with the illusion of cultural diversity and promises of inclusiveness.

Keywords: class, postcolonial studies, immigrants, racism, social inequality, identity politics.

Cite as: Banygin K.D. The Concept of Race and Critical Discourse Studies in Contemporary Western Historiography. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2025, No. 1, part 2, pp. 303–309. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-1-303-309

Понятия расы и расизма широко обсуждаются в современных постколониальных исследованиях и в культурной антропологии [1–3]. Однако они не очень вписываются в преобладающую конструктивистскую парадигму анализа этой проблематики, частично отсылая к примордиалистскому языку описания. Чаще всего проблематика расизма оказывается встроена в исследование сложных стратегий интерсекциональной маргинализации в сферах образования, гендера, спорта и т.д. [4–6]. В российской историографии это понятие также используется без учета изменений его содержательного наполнения во второй половине XX — начале XXI вв. и интеллектуального контекста его функционирования [7–9]. Интеллектуальная история понятия, насколько нам известно, еще не написана. В данной статье хотелось бы обозначить лишь небольшую ее часть — трансформацию значения понятия расы в 1950–2000-е гг. в контексте отказа от марксистской концепции классовой борьбы и победы политик идентичности, предполагающих неизбежность культурных различий.

Эти изменения коннотаций понятия «раса» достаточно четко фиксируются в современных исследованиях, посвященных критическому анализу дискурса, в частности «Хэндбуке критических дискурсивных исследований» от издательства «Раутледж» [10]. Включенная в него статья профессора Дэвида Блока «Класс и классовая борьба» [11] посвящена трансформации понятия класса в историографических и публицистических источниках, а также в социологических опросах второй половины XX — начала XXI вв. Основной тезис исследователя предполагает принципиальную смену не просто внешнего языка описания общества, но феноменологического опыта включения себя в различные сообщества, осуществляемого на основе субъективных критериев и неотрефлексированных габитусов. Несмотря на формальные отсылки к марксизму, в XXI в. победил подход к социальной стратификации П. Бурдьё, подчеркивавшего ключевую роль социокультурных факторов, форм повседневного поведения, условий жизни, моды и т.д. Эти факторы становятся объектом пристального внимания реалити-шоу, новых медиа и классических СМИ, навязывающих новые принципы социальной стратификации и потому являющихся неотъемлемой и важной частью идеологического аппарата

неолиберального общества. С данной точки зрения, медиа убеждают людей разделять окружающих на классы путем создания некоего типического образа, связанного с модой, практиками потребления, предпочитаемым медиаконтентом [12]. Сам Д. Блок подчеркивает важность государственной политики в формировании дискурсивных рамок классовой (само)идентификации: определение акторов как объектов и субъектов социально-экономической политики (уплаты налогов, получения государственной помощи и т.д.), т.е., скорее, вступает за сохранение элементов марксистского подхода к пониманию социальных классов. По мнению исследователя, неолиберальные медиа лишь переводят государственную политику в сферу неотрефлексированных габитусов, тиражируя и распространяя господствующую идеологию на новые сюжеты.

Доцент Университета Нью-Мексико Сусана Мартинес Гильем в статье «Раса/этничность» [13] также использует дискурсивный анализ для сравнения двух тенденций в рамках неолиберальной политики идентичности — вертикального неравенства и горизонтальных различий. Отталкиваясь от идей Р. Брубейкера и его концепции «этничности без групп» [14], Гильем подчеркивает универсальность социологического и антропологического анализа различий между сообществами. Как и Д. Блок, она считает, что эти различия конструируются прежде всего в «элитистских» СМИ, тиражирующих расистские клише и способствующих «маргинализации и эксплуатации тех, кто натурализован как “другие”» [13, р. 361]. Гильем вводит понятие «элитарного расизма», отсылающего не столько к социальному статусу, сколько предполагающего выстраивание иерархий идентичности «желательных» и «нежелательных» сообществ. Общей чертой «элитарного» и «повседневного» (действующего на микроуровне и в сфере повседневности) расизма является скрытый характер его воспроизведения. Лишь в условиях кризиса востребованными оказываются гораздо более радикальные и отрефлексированные дискурсы, которые позволяют легитимировать отход от повседневных норм и использование насилия. Тогда как в условиях относительной социально-экономической стабильности скрытые формы расизма «не провоцируют обмен обвинениями, рационализацию оскорбления в отношении конкретной группы» [13, р. 365]. Этот косвенный расизм основывается на корыстной легитимации того, что считается нормой в конкретном контексте. Гильем приводит пример распространенных идеологий, которые одобряют и поощряют моноязычие, а также использование «стандартных диалектов». В таких практиках используется «лингвистический мониторинг» — выстраивание иерархий «желательных» и «нежелательных» сообществ по степени их языковой интеграции. В данном контексте исследователи считают полезным проводить различия между понятием расы как общественно обусловленной категорией и «расиализацией» как процессом социальной организации, который систематически ставит одни расовые группы выше других. Расиализация происходит, когда люди классифицируются через устойчивые синонимы, предполагающие негативную морализацию или осуждение: «“черный” и “необразованный” или “мусульманин” и “террорист”» [Ibid., р. 362]. Процессуальный характер понятия «расиализация» позволяет подчеркнуть необходимость учета текущих изменений реальности расизма без конкретизации «расовых» категорий — рассматривать расу как идеологический конструкт, в то же время признавая ее материальность. Это помогает определить и классифицировать конкретные виды практик стигматизации и выстраивания этнокультурных иерархий.

Предметом собственно исторического исследования С. Гильем становится изменение стратегий иммиграционной политики и предоставления гражданства в США и Евросоюзе, а также дискуссии по этому поводу в европейских и американских СМИ, активно тиражирующих негативные стереотипы о мигрантах. Сами эти стереотипы и раньше неоднократно привлекали внимание исследователей [15; 16]. Однако автор рассматривает именно дискурсивный аспект иммиграционного законодательства Евросоюза и США за последние тридцать лет как поле расовой дискриминации и место воспроизводства расовых идеологий. В Европе иммиграционный контроль был связан по большей части с упадком суверенитета и трансформацией национальной идентичности европейских государств. Шенгенская конвенция 1990 г. и целый ряд документов 2000-х гг. (например, Декларация Виши от 2009 г.) предполагали отмену внутренних пограничных проверок при перемещении граждан, но одновременно рост контроля иммиграции извне. Этот рост контроля ввел выстраивание сложной культурной иерархии мигрантов из Восточной Европы, Турции, стран Ближнего Востока и Северной Африки. Гильем убедительно доказывает, что целый ряд правовых документов ЕС лишь формально декларирует единство прав и обязанностей лиц, стремящихся получить гражданство. На самом же деле важно подчеркнуть двойственность и иерархичность структуры, в которой социальные и экономические права иммигрантов напрямую зависят от степени соблюдения культурных обязательств. Хотя общий базовый принцип, принятый Европейским Советом в 2004 г., гласит, что «интеграция — это динамичный двусторонний процесс взаимного приспособления» [13, р. 365], — по факту речь идет о весьма асимметричных отношениях, включающих выборочные бюрократические проверки, выстраивание иерархий и изоляцию отдельных групп. Это свидетельствует о нормативном характере «европейских фундаментальных ценностей», присоединение к которым требует по сути ассимиляции, а не диалога. Достижение социальной сплоченности в рамках такой неолиберальной культурной политики откладывается в неопределенное будущее или вообще ставится под вопрос.

Для мониторинга степени достижения заявленных целей интеграции в нормативных документах ЕС предлагается ряд основных показателей, относящихся к «приоритетным областям», таким как «уровень занятости и безработицы», «наивысший уровень образования», «средний чистый доход или статус гражданина» [Ibid., р. 367]. Например, в Сарагосской декларации 2010 г. подчеркивается важность материальных и социальных результатов, которые являются измеримыми. При этом экономические факторы являются сдерживающим элементом при рассмотрении пригодности иммигрантов для интеграции. Хотя формально акцент на экономических результатах делается здесь «как на успехе в отрыве от культурных ограничений», в конце документа вновь обозначается важность культурной интеграции, оценить степень которой по объективным показателям не представляется возможным. В итоге С. Гильем делает справедливый вывод о неоднозначности документов ЕС, которые направлены на инклюзивность иммиграционной политики. «Интеграция позиционируется как процесс, ведущий к желаемой цели, — “социальной сплоченности”, но ее результатом, как правило, является усиление дискурса “мы” против “них”» [Ibid., р. 142]. С этой точки зре-

ния, «инаковость» и «дефицит» являются не только причинами маргинализации, но и ее результатами. Стоит обратить внимание также на то, что экономические условия нельзя рассматривать как результат политики интеграции, ибо они также являются частью того, что делает одни сообщества более-менее интегрированными, чем другие. Такие требования к иммигрантам, как изучение языка или принятие ценностей принимающего государства, применяются как обязательные при неизбежном признании, что социально-экономическое равенство не может быть обеспечено. «Интеграция превращается в процесс расизации, направленный на привлечение внимания к характерным культурным особенностям, которые воспринимаются как несовместимые с возможными материальными выгодами», — пишет С. Гильем [Ibid., p. 368]. То есть политическое пространство оказывается неизбежно поляризовано обещаниями социального равенства и признанием неизбежности культурного неравенства, границы которого и призваны смягчить дискурсивные практики поддержания различий и выстраивания культурных иерархий.

Таким образом, современная критика неолиберализма справедлива не только в социально-экономическом отношении [17], но и в плане его идеологического воздействия на повседневность. Как показывают исследования Д. Блока, С. Гильема, Г. Эриксона и ряда других сторонников критического дискурсивного анализа, неолиберализм меняет контекст восприятия понятий «раса» и «класс» в 2000-е гг., а также способствует их неотрефлексированной интернализации через СМИ, нацеленные на тиражирование стандартизированных клише «своего» и «чужого». Если в 1960-е гг. данные понятия во многом отсылали к проблематике социальной несправедливости и критике капитализма эпохи модерна, то дискурс идентичности выносит эти коннотации за скобки, подменяет их иллюзией культурного многообразия и обещаниями инклюзивности. Растущее, а не сокращающееся культурное разделение на «своих» и «чужих» свидетельствует о слабой эффективности политики мультикультурализма в странах Европы и в США.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Routledge International Handbook of New Critical Race and Whiteness Studies / ed. by R. Andreassen, C. Lundström, S. Keskinen, S.A. Tate. L.: Routledge, 2023. 414 p.
2. Куянджич, Д. Раса, деконструкция, критическая теория / пер. с англ. С. Ермакова // Новое литературное обозрение. 2011. № 5. С. 11–21.
3. Малахов, В. Ретроактивные категоризации, или постколониальность как состояние // Социологическое обозрение. 2023. № 3. С. 53–74.
4. The Cambridge Handbook of Race and Surveillance / ed. by M. Kwet. N.Y.: Cambridge University Press, 2023. 500 p.
5. Routledge Handbook of Sport, Race and Ethnicity / ed. by D.K. Wiggins, J. Nauright. N.Y.: Routledge, 2016. 266 p.
6. Handbook of Critical Race Theory in Education / ed. by M. Lynn, A.D. Dixon. N.Y.: Routledge, 2013. 474 p.
7. Современный расизм: идеология и практика / под ред. В.А. Шнирельман. М.: Дашков и К, 2022. 360 с.

8. «Черное наследие»: африканцы и их потомки в исторической памяти США / под ред. Д.М. Бондаренко. М.: Институт Африки РАН, 2024. 256 с.
9. Novikova, O.V. The Phenomenon of Racism and the Concept of Race: A Transdisciplinary Research // *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2021. № 5. P. 140–150.
10. *The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies* / ed. by J. Flowerdew, J.E. Richardson. N.Y.; L.: Routledge, 2017. 656 p.
11. Block, D. Class and Class Struggle // *The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies* / ed. by J. Flowerdew, J.E. Richardson. N.Y.; L.: Routledge, 2017. P. 345–358.
12. Eriksson, G. Ridicule as a Strategy for the Recontextualizing a Working Class // *Critical Discourse Studies*. 2015. № 12 (1). P. 20–38.
13. Guillem, S.M. Race/Ethnicity // *The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies* / ed. by J. Flowerdew, J.E. Richardson. N.Y.; L.: Routledge, 2017. P. 359–371.
14. Брубейкер, Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: ВШЭ, 2012. 408 с.
15. Adeyanju, C.T., Neverson, N. “There Will Be a Next Time”: Media Discourse about an “Apocalyptic” Vision of Immigration, Racial Diversity, and Health Risks // *Canadian Ethnic Studies*. 2007. № 39 (1–2). P. 79–105.
16. *Migration and European Integration: The Dynamics of Inclusion and Exclusion* / ed. by R. Miles. L.: Pinter Publishers, Fairleigh Dickinson University Press, 1995. 232 p.
17. Николаи, Ф.В., Кобылин, И.И. «Выиграть время», или темпоральные (за)стенки неолиберального капитализма // *Социология власти*. 2021. № 1. С. 84–102.

REFERENCES

1. *The Routledge International Handbook of New Critical Race and Whiteness Studies*, ed. by R. Andreassen, C. Lundström, S. Keskinen, S.A. Tate. London, Routledge, 2023, 414 p.
2. Kujundzic, D. Rasa, dekonstrukcija, kritičeskaya teoriya [Race, Deconstruction, Critical Theory], *Novoe literaturnoe obozrenie* = New Literary Review, 2011, No. 5, pp. 11–21. (in Russ.)
3. Makakhov, V. Retroaktivnye kategorizacii, ili postkolonialnost kak sostoyanie [Retroactive Categorizations, or Post-Coloniality as Condition], *Sociologicheskoe obozrenie* = Russian Sociological Review, 2023, No. 3, pp. 53–74. (in Russ.)
4. *The Cambridge Handbook of Race and Surveillance*, ed. by M. Kwet. New York, Cambridge University Press, 2023, 500 p.
5. *Routledge Handbook of Sport, Race and Ethnicity*, ed. by D.K. Wiggins, J. Nauright. New York, Routledge, 2016, 266 p.
6. *Handbook of Critical Race Theory in Education*, ed. by M. Lynn, A.D. Dixson. New York, Routledge, 2013, 474 p.
7. *Sovremennyy rasizm: ideologiya i praktika* [Modern Racism: Ideology and Practice], ed. by V.A. Shnirelman. Moscow, Dashkov i K, 2022, 360 p. (in Russ.)
8. “Chernoje nasledie”: afrikancy i ih potomki v istoricheskoy pamyati SShA [“Black Heritage”: Africans and their Descendants in the Historical Memory of the United States], ed. by D.M. Bondarenko. Moscow, Institut Afriki RAN, 2024, 256 p. (in Russ.)
9. Novikova, O.V. The Phenomenon of Racism and the Concept of Race: A Transdisciplinary Research. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2021, No. 5, pp. 140–150.
10. *The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies*, ed. by J. Flowerdew, J.E. Richardson. New York; London, Routledge, 2017, 656 p.

11. Block, D. Class and Class Struggle. *The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies*, ed. by J. Flowerdew, J.E. Richardson. New York; London, Routledge, 2017, pp. 345–358.
12. Eriksson, G. Ridicule as a Strategy for the Recontextualizg a Working Class. *Critical Discourse Studies*, 2015, No. 12 (1), pp. 20–38.
13. Guillem, S.M. Race / Ethnicity. *The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies*, ed. by J. Flowerdew, J.E. Richardson. New York; L.: Routledge, 2017, pp. 359–371.
14. Brubaker, R. *Etnichnost bez grupp* [Ethnicity without Groups]. Moscow, Vysshaja shkola jekonomiki, 2012, 408 p. (in Russ.)
15. Adeyanju, C.T., Neverson, N. “There Will Be a Next Time”: Media Discourse about an “Apocalyptic” Vision of Immigration, Racial Diversity, and Health Risks. *Canadian Ethnic Studies*, 2007, No. 39 (1–2), pp. 79–105.
16. *Migration and European Integration: The Dynamics of Inclusion and Exclusion*, ed. by R. Miles. London, Pinter Publishers, Fairleigh Dickinson University Press, 1995, 232 p.
17. Nicolai, F.V., Kobylin, I.I. “Vyigrat vremya”, ili temporalnye (za)stenki neoliberalnogo kapitalizma [“Buying Time” or the Temporal Walls of Neoliberal Capitalism], *Sociologiya vlasti* = Sociology of Power, 2021, No. 1, pp. 84–102. (in Russ.)

Баньгин Кирилл Дмитриевич, аспирант, кафедра всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский Университет), banygin-kirill@mail.ru

Kirill D. Banygin, PhD post-graduate student, General History, Classical Disciplines and Law Department, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), banygin-kirill@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.12.2024. Принята к публикации 14.02.2025

The paper was submitted 25.12.2024. Accepted for publication 14.02.2025